

17 июня 1977

люди искусства

В СКАЗКЕ И В ЖИЗНИ

Л. ЗАКРЖЕВСКАЯ

Об актерах редко говорят: «работает». Принято говорить — «служит» (подразумевается высокому искусству). Служит, играет, исполняет; перевоплощается, вживается, проникает, представляет...

Разговор о Марине Неёловой хочется начать с глагола «работать».

...Она вошла в наше зрительское сегодня стремительно — так буквально влетала на сцену самая первая ее героиня в водевиле «Утка и стакан воды», показанном когда-то по телевидению. Это был дипломный спектакль студентки Ленинградского института театра, музыки и кино выпуска 1969 года, ученицы Василия Меркурьева и Ирины Мейерхольд.

За время, прошедшее с дебютной поры (все несколько лет, в сущности!), Неёлова сыграла так много, что стоит специально восстанавливать в памяти некоторые ее работы. Только на телевидении она участвовала в таких постановках, как «Принц и нищий», «Шагреневая кожа», «Домби и сын», «Из записок Лопатина», «Ночь ошибок», «Ольга Сергеевна»... За три-четыре театральных сезона на сцене ставшего ей родным «Современника» она выступила в таких сложных, разноплановых ролях, как шекспировская Виола («Двенадцатая ночь»), Вероника в «Вечно живых» и Лариса в «Четырех каплях» Виктора Розова, как Валя из «Валентины и Валентины» Михаила Рошина. А ведь она играет и в чеховском «Вишневом саде», и в «Провинциальных анекдотах» А. Вампилова, и в «Погоде на завтра» М. Шатрова, и в недавней премьере театра — «Фантазиях Фарятева» А. Соколовой... При всем том Неёлова почти постоянно снимается в кино, и широкому зрителю известна скорее как актриса кинематографическая.

...Впервые Марина Неёлова появилась на экране в фильме Надежды Кошеверовой «Старая, старая сказка», поставленном по мотивам сказок Ганса Христиана Андерсена. Три года спустя произошла наша вторая встреча с актрисой — снова в фильме-сказке, на этот раз в «Тени» той же Кошеверовой по известной пьесе Евгения Шварца.

А ведь, пожалуй, вся «последующая» Неёлова выросла из этих первых своих работ — так человек вырастает из детства. В них были как бы запрограммированы ее главная актерская тема, основное человеческое содержание ее творчества.

В самом начале «Тени» звучит песенка, в которой есть такие слова: «Нам десять шагов остается до сказки, нам девять шагов остается до сказки, нам восемь шагов остается, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один!»

На стыке, с одной стороны, сегодняшних узнаваемых деталей и реплик и с другой, сказочно-костюмерной проформы (о, великая «Турандот»!), как при ударе кресала о камень, вспыхивали искорки озорных парадоксов.

Марина Неёлова с ее атикульным, своеобразным, удивительно современным обликом как никогда более удачно вписалась в эти сказочные ленты.

В Принцессе из «Старой, старой сказки» не было и тени положенного жеманства, она ничуть не походила

на «новогоднее» представление о принцессах. Этаким большеротый сорванец (только лихорадка на губах не хватало), капризный, своенравный и не слишком воспитанный, умеющий при случае послать кого надо куда следует и чуть ли не свистнуть в два пальца. Принцесса — Неёлова призналась влюбленному в нее Солдату (О. Даль), что когда-то в детстве ее заколдовала злая волшебница: потому-то она такая вредина и злочка. Но вот Солдат расколдовал ее своими поцелуями, и они уезжали подальше от дворцовых сводов.

Да, в сказках все кончалось как будто неплохо. Хотя, постойте, куда же они уезжали? Похоже, обратно, в реальную жизнь. Ну, конечно: четыре, три, два, один — звучало в финальной песенке «Тени». А в жизни?.. «В жизни так не бывает», — объясняет бродячему Кукольному, сочинившему ночью сказку про Солдата и Принцессу, милая серьезная девушка (в «Старой, старой сказке» Неёлова играла две роли). — Ну, куда же я поеду от больного отца, без копейки, в неизвестности...? То-то и оно, дочка трактирщика знает разницу между сказкой и жизнью.

Ах, эти вечные «ножницы» между сказочным и реальным, возможным и невозможным, между мечтой и действительностью! С легкой руки первых своих героинь Марине Неёловой в дальнейшей ее экранной жизни довелось извлекать в полной мере горечь истин, оплаченных дорогой ценой личного опыта.

В фильме узбекского режиссера Равиля Батырова «Ждем тебя, парень» все выглядело еще вполне невинно.

Люся (так зовут здесь героиню Неёловой), очаровательная, еще немного угловатая, с бесенятами в глазах девчонка, пацанка, верный друг и «оруженосец» Тимура. Она чуточку влюблена в него, а он любит красивую и очень уж кануюто уравновешенную, взрослую Наташу.

Конечно, все они еще очень юны, наверняка все не раз изменится, переиграется в их жизни. И все-таки первым страданием, первой неподдающейся уму несправедливостью затемнены и без того темные Люсины глаза. А может, такие не переигрывают?

...Внучка профессора Срепенского Нина («Монолог») любит человека много старше себя и тоже какого-то непроницаемого спокойного, кажется, даже малозначительного, а то и вовсе не очень порядочного.

Маленькая, изящная, подвижная, импульсивная, с проницательным взглядом, с какой-то современной, пружинистой, чуть вразвалочку, но вместе с тем очень женственной походкой («в порядке» одетая, проходит она ленинградскими улицами — симпатичная частица людского потока. И все при ней — даже верный, со школьных лет «портфельноситель», милый, интеллигентный увалень — терпеливая, всепрощающая, влюбленная в нее «коломенская верста».

Казалось бы, чего еще, выходи замуж, заводи приятельный семейный дом, расти детей, радуй окружающих своей раскованностью, остроумием, искренностью. Но нет. Ей чужда спасительная расчетливость, таким, как она, противен хитрый инстинкт благополучия. От мно-

гих жизненных невзгод защищена Нина и ранним опытом, и спасительной иронией. Но перед любовью беззащитна. С распухшим от слез лицом бьется она в плечо растерянного деда: почему, почему, почему она любит, а ее — нет?..

В ней всегда будет биться горячим ключом «сказочная» жажда гармонии, любви, совершенства, справедливости. Она всегда будет жить по законам собственного неумного сердца, и ни советы, ни уверения, ни чужой, ни даже собственный опыт не научат ее «трезво смотреть на действительность», «отдавать себе отчет в происходящем».

...Давно уже не играла да и, наверное, не станет, не захочет больше играть актриса Неёлова капризлек принцесс. Более уверенными, зрелыми в своих чувствах становятся героини актрисы. Правда, им по-прежнему везет (не в смысле благополучия — не об этом речь! — а в смысле встречного движения к совершенному пониманию человеческой души) в одном случае из тысячи. Пожалуй, единственная «счастливая» роль Неёловой — в фильме Родиона Нахапетова «С тобой и без тебя».

Да, простой деревенской девчонке Стеше Базыриной довелось изведать счастье редкой, удивительной любви. Трудно забыть сияющие Стешины глаза, ее милое, счастливое лицо, совершенную открытость, полную раскованность актрисы в этой, наверное, дорогой для нее роли. Честно говоря, неёловская Степанида не слишком-то похожа на задубленную «ломовым» бабьим трудом крестьянку. Ее ручки пахнут не коровником, а полевыми цветами. Но, во-первых, это во многом оправдано сюжетом: заблудившись она мужем Федором. Во-вторых, это, видимо, обусловлено авторским замыслом: картина Нахапетова чужда «густого» быта, она поэтична и достаточно условна.

...В «Слове для защиты» Вадима Абдраштова Марина Неёлова играет женщину, пытавшуюся убить своего возлюбленного за то, что он изменил, обманул ее. Что и как она играет в этом, пожалуй, главным на сегодняшний день своем фильме? Снова «неудачную любовь», «с подлинным драматизмом»? Да, но как не вяжутся эти казенные слова с живой болью поправной, преданной любви, которую анатомируют на экране судебным скальпелем, без анестезии счастливых воспоминаний-ретроспекций.

У хрупкой и на первый взгляд незрелой, заурядной Валентины — одно воспоминание, одно настоящее, одно будущее. «Я же его люблю, понимаешь?» — повторяет она своей судебной защитнице Ирине Межниковой, как и мы, зрители, озадаченной, задетой за живое беззаветностью «нездешней» и «ненынешней» этой любви.

Совершенно очевидно, что тот, кого любит Валентина, предал ее: он ловит, выгораживает и прямо-таки провоцирует ее на суде. Но она, будто слепая, не может и не хочет понять этого. Она любила и любит своего Виталика и с трогательной наивностью боится показаться ему на глаза неприбранной, в сером, тюремном.

И вот уже после суда, прощаясь на автобусной остановке с фактически спасшей ее Межниковой, кажется, уже сознавая безнадежность своей любви, потерянная, словно с ампутированной душой, все высматривает она кого-то в текущей мимо толпе...

Да, большинство театральных и кинематографических героинь Неёловой тем и интересны, что любят со всей безоглядностью, открытостью, смелостью, как бы воплощая собой тоску современного человека по старомодным, «роковым» страстям. «Джюльетты Марины Неёловой» — так называлась одна из статей, посвященных творчеству актрисы.

В этом глубокий смысл ее творчества. Будничная суета, вечная нехватка времени, физические и психические перегрузки, которые, увы, приходится испытывать современной женщине, — все это, естественно, приводит к некоторому притуплению, размычанию чувств.

Вот почему, как заклинание, как вызов, как лозунг, в ответ на брызгливое, на усталое, на изверившееся все громче и сильнее раздается и, кажется, носится в самом воздухе это — умереть от любви.

Не случайно почти слово в слово повторяются реплики героев в пьесе Михаила Рошина и в «Слове для защиты»: ну, конечно, любовь — это как талант, она дается далеко не каждому, да и бывает ли эта самая любовь?

И маленькая, худенькая, темноглазая женщина (совпадение: и тут, и там ее зовут Валентиной) вступает в бой за любовь против бесчувствия.

Нет, не обликом, не пластикой, не манерой поведения и вообще не внешними приметами современна Марина Неёлова. Нужна была такая актриса — вот она и появилась... А ведь, наверное, с меньшей самоотдачей сыграла бы Неёлова и «ненавидеть» и «служение идее», ибо дар подвижничества, как говорили в те времена, когда сказки были еще в трех шагах от жизни, «написан ей на роду».

● Актриса театра и кино М. Неёлова.

Фото А. Рубашкина.